

Введение

С 30 сентября по 2 октября 2005 года в Институте лингвистических исследований РАН в Петербурге прошла Международная конференция «Языковые изменения в условиях языкового сдвига»¹. Задачей конференции было рассмотреть последствия, которые имеет для структуры языка ситуация *языкового сдвига*, то есть ситуация постепенной утраты общностью этнического языка и перехода на другой (обычно доминирующий) язык.

Процесс языкового сдвига, как известно, включает ряд стадий: вначале возникает ситуация, когда этот сдвиг становится возможным (обычно это стадия группового двуязычия), затем языковая общность или чаще некоторые ее слои начинают постепенно предпочитать доминирующий язык; функции титульного языка сокращаются, он все более и более выходит из употребления, и наконец остается всего несколько человек, которые его помнят, общность же им практически не владеет и не пользуется. В пределе этот процесс может привести к *языковой смерти*.

Если грубо разделить этот процесс (который может занимать от одного-двух поколений до нескольких сотен лет) на три фазы – начало, середину и конец – то очевидно, что эти фазы значимы для собственно лингвистического анализа не в равной степени.

Относительно воздействия на структуру языка *начальных* этапов сдвига обычно ничего сказать нельзя, поскольку в этот период сам факт сдвига еще неочевиден. Последствия для языковой системы титульного языка в этот период неотличимы от последствий обычных, "неэкстремальных" (Носк 1986) ситуаций языковых контактов.

Финальная стадия сдвига также оставляет не очень много возможностей для рассуждений на интересующую нас тему: в этом случае число

¹ Конференция финансировалась из гранта РГНФ 05-04-14038г, 2005 г. В Оргкомитет конференции входили Н.Б. Вахтин, К.В. Викторова, Е.В. Головкин, М.З. Муслимов, А.М. Певнов. В подготовке настоящего издания активно участвовала В.В. Баранова.

носителей языка крайне ограничено, а число одноязычных носителей, как правило, равно нулю; что касается изменений в языковой системе, то их зачастую невозможно отделить от особенностей индивидуальной утраты языка (*language attrition*).

Остается *средняя* фаза – ситуация, когда этнический язык еще в той или иной мере используется, но структура доминирующего языка уже оказала на него (необратимое?) воздействие. Именно эта фаза и была основным объектом рассмотрения на прошедшей конференции.

Было проведено и еще одно разграничение: между ситуациями "чистого" языкового сдвига и смежными и сходными ситуациями, такими как "язык в диаспоре". Если в первом случае у языковой общности, находящейся в той или иной фазе языкового сдвига, нет никаких возможностей контакта со своим родным языком в "непотревоженном" состоянии, и забвение общностью своего языка практически означает его исчезновение, то во втором у "островной" общности возможность контакта с "материковым" языком – через письменные источники, газеты, радио, телевидение – хотя бы теоретически сохраняется. А это, в свою очередь, не может не оказывать влияния на лингвистические процессы в языковой системе: неясно, как отличить фрагменты системы, *сохранившиеся* несмотря на давление доминирующего языка, от фрагментов, которые оказались *восстановленными* (сохраненными) в результате вторичного влияния "материкового" языка. На конференции нас интересовала прежде всего ситуация сдвига в условиях отсутствия контакта с "материковым" языком, а не ситуация "языка в диаспоре" с ее различными вариантами индивидуального (*language attrition*) или коллективно-го забвения языка.

На конференции рассматривались прежде всего лингвистические, а не социолингвистические аспекты языкового сдвига; социолингвистическая информация, конечно, привлекалась, но лишь как фон, как подтверждение наличия самой ситуации сдвига; основной акцент был сделан на описание фрагментов языковой системы.

Перед началом конференции участникам был разослан примерный список тем:

Существуют ли лингвистические признаки прекращения воспроизводства языка? Момент прекращения воспроизводства языка, то есть момент, когда поколение детей перестает выучивать его как родной, довольно легко устанавливается социолингвистическими методами. Однако не исключено, что и в языковой системе можно найти индикаторы этого состояния языка – например, исчезновение морфологических моделей или синтаксических конструкций, которые усваиваются детьми на сравнительно поздних стадиях освоения языка; или некие фонологические изменения в этническом языке под влиянием доминирующего; или появление какого-либо особого типа лексических заимствований.

Какие можно предложить критерии различения между изменениями в языковой системе *versus* изменениями в речевой практике? Отсутствующее в языковой системе титульного языка, но присутствующее в системе языка доминирующего грамматическое явление, или звук, или словоформа, когда они употреблены информантом – что это: переключение кодов? смешение кодов? или это явление можно считать вошедшим в языковую систему? В какой момент окказиональные изменения в речевой практике говорящих становятся – и всегда ли становятся – характеристиками новой изменившейся языковой системы?

Есть ли отличия в том, как заимствуются слова, морфологические и синтаксические элементы при языковом сдвиге по сравнению с другими контактными ситуациями?

Например, известно, что одни части речи заимствуются более свободно, чем другие. Будет ли меняться шкала доступности заимствований (*borrowability scale*) в конкретном языке в зависимости от того, на какой стадии языкового сдвига он находится? Другой вопрос, связанный с заимствованиями, относится к проценту заимствуемых слов и элементов. Есть ли связь между количеством заимствований в язык и степенью языкового сдвига? Существуют предположения о влиянии

типологических характеристик контактирующих языков на процесс заимствования и отбор заимствуемых элементов. Какие свидетельства в поддержку или в опровержение этой гипотезы можно найти в ситуациях языкового сдвига?

Каковы особенности дублетного функционирования заимствованных и исконных элементов в лексике, морфологии, синтаксисе, фонетике? Опять-таки, речь идет о лингвистических, а не о социолингвистических особенностях процесса языкового изменения: если для лексики этот вопрос, как кажется, решается довольно просто, то одновременное существование в языке, находящемся в процессе сдвига, старых и новых морфологических и синтаксических конструкций, их дистрибуция, новое распределение между ними грамматических значений может представлять интерес.

В конференции приняли участие лингвисты из России, США и Финляндии, прежде всего – специалисты по языкам малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока. Общими усилиями участникам конференции удалось сделать пусть небольшой, но шаг вперед в изучении этой интересной и важной для современной лингвистике проблематики.

* * *

В результате конференции удалось, как кажется, существенно уточнить поставленные организаторами методологические рамки темы "Изменения языка в условиях языкового сдвига".

Прежде всего, "сдвиг" и "изменения языка" – это понятия разных уровней, разных планов. Если "изменения" относятся к структурной области ("внутренней лингвистике") и могут изучаться без каких-либо отсылок к носителям языка, то "сдвиг" – понятие преимущественно социальное, социолингвистическое, и не существует без и вне языковой ситуации.

Далее, само понятия сдвига должно интерпретироваться скорее как процесс, чем как одномоментное явление. Это в первую очередь отно

сится к структурным результатам сдвига, хотя касается и его хода, его социолингвистической сущности. Термин "языковой сдвиг", таким образом, целесообразно использовать только в его каноническом значении: *языковая ситуация, когда поколение родителей перестает передавать язык детям, поколение детей стремится полностью перейти на другой ("доминирующий") язык, и родители поддерживают их в этом стремлении.*

Этот процесс может занять более одного поколения, что означает, что поколение "детей" может не просто утрачивать исходный язык и переходить на доминирующий, но что в его языковом репертуаре исходный и доминирующий языки могут некоторое время сосуществовать, меняясь местами: доминирующий начинает чаще использоваться, исходный становится функционально вторым, его структура забывается, изменяется, упрощается. Именно эта фаза сдвига и является основным предметом нашего внимания.

Мы усомнились (что кажется нам довольно продуктивным) в том, может ли языковой сдвиг быть *причиной* структурных изменений, или следует скорее говорить о том, что сдвиг создает *условия*, в которых контактные явления и естественные изменения происходят быстрее, ярче и нагляднее, чем в "обычных" контактных ситуациях.

Мы убедились (в очередной раз), что достаточно непросто отделить языковые изменения, происходящие под влиянием языкового сдвига, от "обычных" контактных явлений и от явлений, вызванных внутрискруктурными изменениями языка. Общим в этих процессах в предложенных обстоятельствах является их высокий темп, который делает задачу размежевания этих явлений еще более сложной, если вообще решаемой. Все зафиксированные нами примеры языковых изменений сводятся к контактному явлению; языковые контакты, в свою очередь, являются условием сдвига – необходимым, но не достаточным. Интенсивные языковые контакты могут привести к сдвигу – но могут и не привести.

Мы убедились, что даже быстрые и бурные изменения структуры языка, вызванные контактом, не обязательно приводят к языковому

сдвигу: важным понятием, сформулированным на конференции А.М. Певновым, представляется понятие "прерванного сдвига". В этом случае исходный язык, вступив в контакт с доминирующим, начинает отходить на второй план, забываясь, его система начинает меняться под воздействием доминирующего – однако затем социолингвистическая ситуация меняется, и носители вновь полностью возвращаются к исходному языку, оставляя доминирующий в качестве второго или вовсе отказываясь от него. В структуре языка при этом остаются некие следы этого процесса, которые можно (или нельзя?) выделить и описать. Понятие "прерванного сдвига" может, следовательно, оказаться полезным для анализа явлений, которые, возможно, происходили в том или ином языке в прошлом.

Важным выводом, сформулированным на конференции, является идея, что до тех пор, пока в языке происходят системные изменения, язык остается жизнеспособным: говорить о его необратимом исчезновении можно только тогда, когда начинаются хаотические, несистемные, идиолектные изменения, не поддающиеся ни структурному, ни статистическому описанию.

* * *

Предлагаемый вниманию читателей сборник состоит из двух частей: (1) теоретической, где представлены статьи, хотя и опирающиеся на вполне конкретные материалы, но имеющие скорее общетеоретический характер, и (2) практической, в которой представлены статьи, анализирующие материал конкретных языков.

Первая часть. В статье Е.Ю. Груздевой рассматриваются вопросы, которые наиболее активно обсуждаются в современной контактологии в связи с исследованием утраты языка (language attrition, языковая аттриция), а именно: какова природа языковой аттриции, каких говорящих следует считать "носителями" аттриционных явлений и какие языковые изменения могут быть источниками этих явлений. В рамках последней темы анализируются несколько гипотез, по-разному трактующих значимость различных типов языковых изменений при возникновении ат-

триции, и под этим углом зрения исследуется противопоставление контактных и внутривидовых изменений, а также разграничение контактных изменений и изменений, связанные с утратой языка. Кроме того, в статье подробно изучаются лингвистические признаки аттриции и на материале различных языков показывается, какие редукционные явления могут наблюдаться на тех или иных языковых уровнях.

В статье **К.В. Викторовой** предложен один из возможных способов отличать то, что *является* языковым сдвигом, от того, что им *не является*. Автор разграничивает *языковой сдвиг* как процесс, в результате которого язык может стать мертвым языком, и *языковую смерть* как результат этого процесса и отмечает, что неразличение процесса и результата методологически неточно. Интерпретация ситуации как ситуации языкового сдвига часто опирается на представления исследователя о перспективах ее дальнейшего развития, т.е. о ненаблюдаемом будущем данного языка: исследователь *прогнозирует* исчезновение языка и, исходя из этого прогноза, называет происходящие с языком процессы языковой смертью. Более эвристичным представляется подход, при котором определение социолингвистической ситуации как ситуации языкового сдвига производится на основании *наблюдаемых проявлений* этого процесса, а не на основании их экстраполяции в будущее. Автор делает вывод, что развитие процесса языкового сдвига обусловлено воздействием двух факторов: *доступа* к языку и *языковых установок* говорящих. Под доступом понимается возможность участвовать в коммуникации на данном языке, под языковыми установками – всевозможные проявления эмоционально-оценочного отношения к языку. Эти два фактора в разных ситуациях могут принимать разнообразные формы, сочетаться в различных конфигурациях и могут быть детально охарактеризованы лишь для конкретной ситуации.

Статья **С.А. Бурлак** посвящена попытке ответить на ряд вопросов, возникающих при исследовании процессов сдвига, с позиции компаративистики. Перечислим только некоторые из них. *Вопрос о степени интенсивности контактов*: с какого момента контакт становится достаточно интенсивным, чтобы все подсистемы языка стали пронизаемы-

ми для влияния? Автор отмечает, что классическая компаративистика не только не имеет ответа на этот вопрос, но даже, по сути, не ставит его: сама ее идеология видит контакты не как неотъемлемую часть существования языка, а лишь как некую помеху для исследования. *Вопрос о том, чем является сходство между языками – результатом родства или результатом контактов?* Этот вопрос чрезвычайно важен для теории компаративистики, и обращение к современным материалам по языковым изменениям в условиях сдвига оказывается для этой области знаний крайне полезным: наблюдая контакты языков с известной генетической принадлежностью, пишет автор, мы можем сравнительно легко отделить исконные черты от черт, возникших в результате взаимодействия с другими языками; накапливая соответствующий материал, можно более полно, четко и аргументировано сформулировать обобщения относительно того, какие сферы языка более, а какие менее проницаемы для контактного влияния, что даст возможность делать обоснованные выводы относительно языков, история которых неизвестна. *Вопрос о соотношении контактов и конвергенции* также крайне важен для компаративистики: и здесь обращение к материалу современных языков – именно они способны пролить свет на то, могут ли контакты привести к реальному смешению языков, и если да, то при каких условиях. В статье также обсуждаются такие вопросы, как поправка на контакты при построении генеалогического древа; контакты как причина языковой дивергенции; контакты и реконструкция праязыка.

В статье **А.М. Певнова** подчеркивается исключительная важность понятия «степени владения языком». Автор утверждает, что *система* исчезающего языка вряд ли меняется сколько-нибудь существенно, однако у поколения детей по сравнению с поколением родителей, а также поколением дедушек и бабушек заметно снижается степень владения этой системой в *речевой деятельности*. Не только смешение кодов, но и недостаточное владение языком не следует принимать за происшедшие в его системе изменения. Автор вводит понятие «прерванного, или отмененного сдвига» языка, т.е. несостоявшейся по тем или иным причинам или происшедшей фрагментарно смены одного родного языка дру-

гим. Имеется в виду первоначальное развитие языковой ситуации в направлении сдвига, который был «отменен» вследствие благоприятного для исчезающего языка изменения этой ситуации. Одним из результатов «прерванного сдвига» может оказаться, по мысли автора, возможность фрагментарной смены языка или, иначе говоря, возможность возникновения смешанных языков.

Во второй части книги собраны статьи, описывающие различные этапы и параметры языковых изменений под воздействием (или в условиях) языкового сдвига на материале конкретных языков. **Ленор Гренобль** посвятила свою статью описанию двух проблем в изучении процессов лингвистического сдвига: (1) проблеме различия между переключением кодов и заимствованием лингвистических структур; и (2) проблеме «стилистического сокращения» на материале эвенкийско-русского языкового контакта. **А.И. Кузнецова** исследует языковую вариативность как один из факторов расшатывания языковой системы в процессе языкового сдвига (на примере селькупского языка). **Т.Б. Агранат** рассматривает на примере водского языка вариативность и аттрицию словообразовательных суффиксов. **Н.Б. Вахтин** на материале эскимосского языка показывает, как по-разному в условиях сдвига может развиваться система грамматических времен под влиянием двух разных доминирующих языков – русского и английского. Во второй статье **Е.Ю. Груздевой** обсуждаются проблемы разграничения и взаимодействия различных типов языковых изменений и под этим углом зрения анализируются отдельные лексические, фонологические и грамматические процессы, наблюдаемые в настоящее время в речи двуязычных носителей восточно-сахалинского диалекта нивхского языка. Статья **Е.А. Хелимского** посвящена кардинальным изменениям в фиксированном при полевых исследованиях фонетическом облике слов в лесном диалекте энецкого (енисейско-самоедского) языка, происшедшими в период в условиях быстрой утраты этим языком своих позиций. **М.З. Муслимов** рассматривает в своей статье явления, связанные с изменениями в ходе языкового сдвига в близкородственных языках и диалектах Западной Ингерманландии (водский, ижорский, финский, эстон-

ский), прежде всего в области морфонологии и морфологии. Автор демонстрирует интересную методику анализа языкового сдвига на фоне сближения близкородственных языков. Наконец, в статье **Е.В. Перехвальской** рассматривается два типа сдвига в Приморье, первый из которых начался еще в середине XIX века под воздействием китайского языка и был прерван в середине XX века, а второй начался в 1930х годах под воздействием русского и привел к практически полной утрате тунгусо-манчжурских языков, прежде всего удэгейского. Автор показывает, что многие языковые черты, которые отличают южные диалекты удэгейского языка от северных, обязаны своим появлением «прерванному сдвигу» под влиянием китайского языка.

Общий список цитированной литературы ко всем статьям приведен в конце книги. Там же дан список всех языков, о которых идет речь в статьях сборника.

Мы надеемся, что публикуемый сборник будет полезен всем, кого интересуют процессы языковых изменений и, в частности, языковые изменения в экстремальных условиях.

Н.Б. Вахтин